

СПЕЦНАЗ | БЕРИИ

БРОСОК ИЗ ЗАПАДНИ

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

МОСКВА 2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на обложке
Владимира Нартова

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Бросок из западни / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-194643-2

Возвращаясь из заграничной командировки, подполковник спецподразделения НКВД Максим Шелестов и его помощник Михаил Сосновский попадают в авиакатастрофу. Их самолет терпит крушение на одном из островов в районе Гавайев. Пилоты погибают. Выжившие оперативники пытаются сориентироваться и неожиданно сталкиваются с местными обитателями. Те используют остров в военных целях и действуют явно против СССР. Понимая, что рассчитывать можно только на свои силы, бойцы отряда Берии решают начать с противником хитрую «игру», чтобы оттянуть время и получить шанс на спасение...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А.А., 2023
© Оформление.

ISBN 978-5-04-194643-2 ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ГЛАВА 1

— Командир на борту! — привычно выкрикнул вахтенный.

Лейтенант Парамонов взбежал по трапу, замедлил шаг, ступив на борт. Вскинув руку к козырьку фуражки, привычно отдал честь флагу. Выслушав доклад вахтенного, что на борту без происшествий и судно готово к выходу в море для выполнения боевой задачи, Парамонов отдал приказ:

— По местам стоять, со швартовых сниматься!

Малый «охотник». Маленькое суденышко, но в умелых руках моряков он может стать грозным оружием против вражеских подводных лодок и даже малых надводных кораблей. А моряки Тихоокеанского флота умели воевать. Легкое скоростное судно водоизмещением всего 56 тонн, малый «охотник» развивал скорость до 27 узлов. Маленькая осадка судна всего в полтора метра позволяла не бояться вражеских тор-

пед. А две полуавтоматические 45-мм пушки и два крупнокалиберных пулемета ДШК позволяли отбивать атаки врага и огрызаться весьма существенно. В арсенале судна было 24 глубинные бомбы и четыре мины. Так что враг вынужден был считаться с малым «охотником», когда тот нес патрульную службу ОВР (охрана водного района) или сопровождал караван кораблей. Крепкий корпус корабля был разделен водонепроницаемыми переборками на шесть отсеков, что позволяло делать «охотника» максимально живучим. Сколько раз Парамонов возвращался после боя с полупритопленным корпусом. Вода плескалась под ногами в ходовой рубке, но судно держалось на плаву и упрямо шло к цели. Шестнадцать моряков на борту были одной семьей, единым организмом.

Заработал двигатель. Матросы приготовились сниматься со швартовых, когда вахтенный кивнул в сторону пирса:

— Командир! Батя...

К борту подрулила черная «эмка», из которой, сгибаясь, как циркуль, выбрался командир дивизиона, капитан второго ранга Васильев. Высокий, худой, с орлиным носом комдив был строгим офицером и требовательным начальником. Но моряки, служившие под его началом, знали Васильева еще и как заботливого и спра-

ведливого командира. Как это часто бывает в армии и на флоте, за глаза его звали Батя.

Остановив отшвартовку, Парамонов легко перепрыгнул на пирс и поднес руку к козырьку для доклада, но в этот раз Васильев остановил лейтенанта.

— Ну, как настроение, Слава?

— Все в норме, как положено, Иван Васильевич! — улыбнулся Парамонов.

— Ты вот что, Вячеслав. — Комдив достал дюралевый портсигар, открыл его и протянул моряку. — Когда будешь возвращаться, задержишься на траверсе Шумшу. Тебе придет радио, в какой квадрат прибыть. Там встретишь эсминец «Зоркий», снимешь с борта военврача Васильеву и раненого моряка. И доставишь на базу.

— Галя на «Зорком»? — удивился Парамонов.

Военврач Галина Ивановна Васильева была дочерью командира дивизиона. И за трогательными отношениями командира малого «охотника» и Галины Васильевой наблюдал весь дивизион. Начальник связи смотрел сквозь пальцы на то, что иногда в радиопередачах или Парамонов, или Васильев чуть-чуть нарушали инструкцию по радиообмену и позволяли себе немного личного. Связистки и медсестры качали голо-

вами и вздыхали, когда на вечере в офицерском клубе смотрели на эту пару. Парамонов и Галя почти не танцевали. Они стояли у окна и разговаривали. Никто не видел, чтобы влюбленные хоть украдкой, но обнимались, целовались, не видел проявлений какой-то нежности. Но во взглядах молодых людей было столько трепета, столько трогательной любви, что обсуждать или осуждать их никто не брался. Даже отец. А ведь Парамонова все знали как геройского командира, храброго моряка, выходявшего не раз победителем в неравных схватках с вражескими субмаринами и другими судами. На Дальний Восток Парамонова перевели с Балтики. Да и Галина Ивановна была храброй женщиной.

— Да, «Зоркий» попал в шторм. Один из матросов повредил позвоночник во время падения с высоты. Галину переправили гидропланом на борт. Теперь ты забереешь ее и того моряка. Будь внимателен, Слава, японцы стали вести себя агрессивно. Не исключаю провокации. Ты командир опытный, выдержанный!

— Иван Васильевич, — Парамонов посмотрел комдиву в глаза, — будет война с Японией или нет?

— Не знаю, Слава, не знаю, — покачал головой Васильев. — Обстановка очень сложная, сведения поступают очень противоречивые.

Японцы ведут себя нагло, постоянно пытаются спровоцировать нас, провокации одна за другой. Так что будь внимателен и выдержан, командир!

— Есть, товарищ капитан второго ранга! —
Парамонов перестал улыбаться и отдал командиру честь.

Море было беспокойным, на душе тоже было беспокойно. Все чувствовали, что положение здесь, в Приморье и на Дальнем Востоке, шаткое. И чем радостнее были сообщения с Западного фронта о постоянных наступлениях Красной армии, о том, что гитлеровские войска пьются и пьются, оставляя город за городом, тем напряженнее была ситуация здесь. Все понимали, что Гитлеру очень нужна война между СССР и Японией. Ему нужен удар в спину советской стране.

Лейтенант Парамонов умел думать о своем и в то же время не упускать ничего по службе. Это получалось само собой, как будто в нем существовало два человека одновременно. Глаза смотрели на бескрайние воды Тихого океана, он бросал взгляды на экран гидролокатора «Дракон», слышал доклады акустика с шумопеленгатора. Одна часть его мозга, которая не отвечала за боевую работу, думала о Галине. Нет, это были не мысли, связанные с предстоящей встречей, или какие-то воспоминания. Нет,

просто напоминание, что она есть, что она любит его, и это было как щитом, как надежным крепким тылом для мужчины, что делало его бесстрашным. Если за спиной все в порядке, то можно смело идти вперед, грудью встречать любую опасность.

Судно могло находиться в автономном плавании трое суток, но такой задачи Парамонову не ставили. «Охотники» дежурили каждый в своем квадрате по двенадцать часов, потом сдавали район другому командиру, который приходил на смену. Когда до прихода смены в зону дежурства оставалось всего полчаса, по радио пришло распоряжение. Парамонову следовало перевести судно в 32-й квадрат и там ждать эсминец. С борта снять только военврача Васильеву. Раненого моряка эвакуировать опасно из-за сильного волнения на море. С его повреждением позвоночника нужны почти идеальные условия эвакуации. По прогнозам, погода улучшится на следующий день, и тогда с «Зоркого» можно будет снять пострадавшего.

«Зоркий» был уже в зоне, удерживая положение малыми оборотами двигателей, стараясь держаться носом к волне. С борта увидели «Мóшку», как любовно на флоте называли морских охотников, и просемафорили, что готовы передать пассажира. Парамонов приказал

держат полкабельтова¹ от эсминца. При таком волнении была опасность столкновения судов. Но легкий и маневренный МО-4 с умелым рулевым всегда мог уйти в сторону в опасный момент. Отойти дальше тоже было нельзя, потому что на 4-весельной шлюпке выгрести против такой волны очень сложно. Посадив на весла самых сильных матросов, боцман Вельчук сам сел за руль. Около тридцати минут борьбы с холодными тихоокеанскими волнами, и мокрый экипаж шлюпки передал на борт «охотника» военврача. Парамонов схватил Галину за руки и поднял на борт. Толчком в борт судно накренило, и военврач оказалась в объятиях лейтенанта. Но сейчас нечего было стыдиться. Моряки отводили глаза, зубоскалили по-доброму, готовясь поднять шлюпку на борт с кормы.

Парамонов проводил Галину в свою каюту, точнее, в маленький закуток с лежанкой и откидным столиком.

— Отдыхай, а я пойду на мостик, — сказал он, разглядывая женщину так, будто не видел ее несколько лет. — Погода скверная, а пару часов назад акустик слышал шум винтов. Может статься, что недалеко японская подлодка.

¹ Кабельтов — морская мера расстояния, равная 1/10 морской мили, т.е. 182,5 метра.

— Почему ты на меня так смотришь? — спросила Васильева, стягивая с головы черный форменный берет со звездой и проводя ладонью по волосам.

— Мне спокойнее за тебя, когда ты рядом, когда я могу тебя защитить, если возникнет опасность, — ответил лейтенант. — Еще спокойнее мне, когда ты на берегу. Отдыхай.

Штормило не сильно, всего два-три балла. Но для низкого маленького судна и этого было достаточно. Минимальный обзор из-за волн, низкие тучи повисли над морем, стирая границу между водой и небом. Бортовая качка усилилась, грозя опрокинуть суденышко. Вообще-то «охотники» устойчивые к опрокидыванию, но в силу низкой осадки качка на них ощущалась невероятно.

Это сказывалось на самочувствии экипажа, устойчивости работы двигателя, да и вообще на порядке в каютах. С такой качкой с мест срывало все, что даже было закреплено обычным порядком. Парамонов приказал рулевому сменить курс и идти носом на волну на малых оборотах. Сейчас «охотник» с бортовым номером 505 шел на юго-запад, удаляясь от родных берегов и района боевого патрулирования. Штормовой океан не для таких судов, но лейтенант верил и в судно, и в экипаж.

Чужую субмарину Парамонов заметил первым из всех, кто был в ходовой рубке. Но на подлодке советское судно, кажется, увидели давно. То ли у японцев была какая-то поломка, то ли они шли на дизелях, чтобы подзарядить аккумуляторы. Даже в шуме шторма выстрел палубной пушки был хорошо различим. Первый фонтан воды поднялся возле левого борта.

— Боевая тревога, — крикнул лейтенант, — расчетам занять места...

Парамонов не успел договорить. Яркая вспышка на носу на миг ослепила его и рулевого. Палубный настил вспучился горбом. Несмотря на шторм, Парамонов слышал, как топают ноги моряков, как на палубе уже расчехляют 45-мм пушки и крупнокалиберные ДШК. Отвечать на выстрелы врага или не отвечать, такой вопрос перед командиром не стоял. Его судно подверглось атаке в нейтральных водах, и он обязан был защищаться, защищать экипаж, эту маленькую территорию Родины, маленький ее кусочек.

Резкий поворот руля, чтобы уйти от нового попадания, но катер отреагировал очень вяло, едва развернулся. В носовой отсек судна, развороченный снарядом японской подлодки, хлестала вода. Судно сохраняло плавучесть, но маневренность его значительно упала. Выполнив

команду «лево на борт», рулевой стал неистово крутить штурвал. Еще один снаряд разорвался в стороне, окатив палубу и матросов потоком воды. Стала бить пушка «охотника», не умолкая, работал ДШК. Но при таком волнении попасть в цель было очень сложно. Еще столб воды возле самого носа — и матрос-пулеметчик повис на рукоятках пулемета. Откуда-то выскочила Галина и бросилась к раненому. Она, едва удерживаясь на ногах, сняла матроса с пулемета и уложила на палубу.

— Куда? — заорал что есть мочи Парамонов и кинулся из рубки на палубу.

Еще один взрыв! И взрывная волна ударила лейтенанта в спину, как кувалдой. Все перевернулось перед глазами, он схватился руками за морскую тужурку Васильевой, но пальцы только скользнули по толстому черному сукну. Еще один взрыв. Даже через закрытые веки Парамонову показалось, что он увидел огненную вспышку. А потом соленая вода хлынула ему в горло. Отплевываясь и кашляя, он стал грести руками, пытаясь выплыть из пучины. Спасательный жилет, который во время боевого похода надевали все моряки на катере во время несения вахты или при объявлении боевой тревоги. Не было жилета только на Галине, вспомнил лейтенант и потерял сознание.

Парамонов пришел в себя от холода. Вода то и дело попадала в рот, и он кашлял. И только когда сознание чуть прояснилось, лейтенант понял, что его рука что-то сжимает. Так сильно, что он не чувствовал своих пальцев. Он открыл глаза. Небо было не над головой, а сбоку, и в лицо плескалась вода. Почему я в таком положении, ведь на мне спасательный жилет? Наконец удалось открыть глаза больше, и тогда он видел рядом с собой что-то большое и черное. И в это черное он вцепился пальцами.

Черный флотский бушлат и растрепанные мокрые волосы. Когда же он успел схватить Галину, как же не выпустил, даже в бессознательном состоянии? Он держал Галину за ворот бушлата под подбородком и прижимал ее к себе спиной. Поэтому она не захлебнулась, поэтому он сам плавал в таком странном положении. Убрав с лица Галины волосы, лейтенант стал трясти женщину, звать голосом. В какой-то момент он испугался, что Васильева мертва, но тут послышался ее стон. Парамонов прижал женское тело к себе плотнее и отпустил пальцами ее бушлат. Пальцев он не чувствовал. Надо шевелить кистью, надо сжимать и разжимать пальцы.

Парамонова мутило от покачивания на волнах и от контузии. Он боялся, что снова потеряет сознание и тогда уж точно не удержит люби-

мую женщину. Где катер, где ребята? Неужели японцы сожгли его, потопили? Или унесло волнами? А потом спиной лейтенант ударился обо что-то массивное и жесткое. И он услышал сквозь плеск волн голоса, незнакомую речь, а потом понял, что это японцы. Пока в голове металась полусознанная мысль, как одновременно вытащить из кобуры пистолет и не выпустить из рук Галину, жесткие грубые руки схватили его, вырвали из его рук женское тело и потащили вверх. Парамонов хотел крикнуть «Галина!», но из раздраженного соленой водой горла рвался только кашель. Потом его вырвало, снова стало мутить. И прежде чем потерять сознание, лейтенант успел заметить, что Васильеву тоже достают из воды...

— Прошу сюда! — майор Тернер открыл дверь, пропуская Шелестова и Сосновского в комнату с большим стеклом, через которое виднелась другая комната — комната для допросов. И это стекло было прозрачным только с одной стороны. С противоположной стороны оно выглядело как обычное зеркало.

— Знакомые штучки, — засмеялся Сосновский, указывая на стекло.

— Это очень удобно, — скупо улыбнулся американец. — Особенно для допросов и опо-

знаний. Когда есть необходимость показать подследственного свидетелю, когда есть необходимость наблюдать за мимическими реакциями допрашиваемого.

Шелестов обратил внимание на то, что Тернер очень старательно и правильно произносит сложные слова на русском языке. Как будто специально строит фразу посложнее. Максиму захотелось сейчас же ввернуть именно фразу посложнее, чтобы понять, поймет ее американский майор или нет. Но Сосновский опередил напарника.

— Послушайте, Тернер, откуда вы так хорошо знаете русский язык? — осведомился Михаил как бы между делом, усаживаясь на одном из приготовленных для гостей стуле.

— Вы считаете, что я хорошо знаю русский язык? — американец вскинул брови.

— Да, вполне. В вас выдают американца лишь акцент и слишком правильное построение фраз.

— Да, вы правы, — неожиданно согласился майор. — Я знаю русский язык с детства, потому что моя мать русская и ее сестра тоже. В нашей семье принято говорить на двух языках, но я понимал всегда, что тот язык, на котором мы говорим внутри семьи, — это язык не разговорный, не уличный, не язык, на котором говорят в мага-

зине при покупке, между приятелями на рыбалке. Это язык литературный, язык, который сохранила старая русская интеллигенция. На таком языке говорят в книгах, но не в обычной жизни. Между прочим, хочу открыть вам один секрет. Хорошо, что вы заговорили о языке, Михаил.

— Надеюсь, это не военная тайна, — усмехнулся Шелестов.

— Ну, может, в какой-то мере и военная тайна, — пожал американец плечами. — Но разведчики союзников должны помогать друг другу. Выйти на резидента нам помог как раз язык. Один из связников, немец по национальности, но хорошо изучивший английский язык, «прокололся», как говорят ваши разведчики. Он просто не понимал разницы английского языка и американского. Это не шутка, поверьте. Так, как говорят в США, особенно в Калифорнии, не говорят в Великобритании. Связник немецкого резидента заехал на заправочную станцию за бензином и обратился со словами: Please pour gasoline into my car¹. Американец никогда не станет так изъясняться. Он просто кивнет на машину и коротко бросит: Gas². Не gasoline,

¹ «Залейте, пожалуйста, в мою машину бензин» (англ.).

² «Топливо» (англ.).

а именно gas! Это как уличный жаргон, который присущ всему штату, даже большей части страны на юго-западе и западе. А владелец заправки бывший морпех. Он записал номер машины и позвонил в ФБР.

— И вы не уверены, что это Отто Тидеман? — спокойно спросил Сосновский, никак не отреагировав на эту историю, больше похожую на байку.

— Не уверены. Вы единственный человек, который был в состоянии добраться сюда за сутки. Фото мы могли бы получить из Германии, но для этого нужно много времени. К тому же мы знаем, что этот разведчик мастер перевоплощения. А вы знали его лично? Наш запрос вашему руководству был именно таким: прислать человека, который лично встречался с Отто Тидеманом. Мы установили плотное наблюдение за связником, и нам повезло выйти на немецкого разведчика.

— Ну, так давайте приступим? — деликатно ушел от прямого ответа Сосновский.

Майор кивнул и вышел. Шелестов посмотрел американцу вслед, дождавшись, когда за тем закроется дверь, и сказал:

— А тебе не показалось, что он слишком много информации из тебя хотел выудить? И приставили к нам человека, который слиш-

ком хорошо знает русский язык. Изъясняется он сложно, понимает все, даже намеки.

— Я подумал об этом с самого начала, когда он нас встречал. При нем вообще общаться опасно. Тидеман работал до войны и в Советском Союзе, но не долго. Американцы вполне могут допускать, что мы его тогда перевербовали, а теперь они ищут косвенные подтверждения этому.

В комнате за стеклом началось движение. Вошли два здоровенных сержанта в армейской форме. Они осмотрели комнату, а затем замерли между стулом и окном. Следом двое в гражданской одежде завели в комнату арестованного. То, что он был арестованным, догадаться несложно. Отсутствие шнурков в ботинках, брючного ремня. Высокий мужчина с аккуратно зачесанными назад темно-русыми волосами, тонкими чертами лица вошел, придерживая брюки, и уселся на стул, закинув ногу на ногу. Сосновский его узнал. Михаил молча кивнул в ответ на вопросительный взгляд Шелестова.

Сосновский и Шелестов наблюдали за допросом минут двадцать, когда в комнату к ним наконец вошел Тернер. Майор уселся рядом с Михаилом и кивнул на стекло:

— Ну, что скажете? Каковы ваши выводы?